

Вениамин Каверин:

Молодость идет за мной по пятам...

В редакции дали задание: встретиться с кем-нибудь из молодых писателей и сделать с ним беседу. Я подумала и... поехала в Переделкино к Вениамину Александровичу Каверину. Вы удивитесь: почему именно к нему, человеку отнюдь не молодому, более 60 лет работающему в литературе, написавшему романы, повести, рассказы, сказки, эссе, составившие много томов! А потому, что молодость писателя вовсе не всегда определяется его возрастом, а случается, находится в полном с ним противоречии. Что его книги, независимо от того, когда они написаны, продолжают оставаться молодыми, волнующими новые поколения

— Хотел бы напомнить вам мысль Пикассо о том, что надо потратить много времени, чтобы стать наконец молодым, — сказал Вениамин Александрович. — Я потратил на это всю мою жизнь. Удалось ли мне это — судить читателям. Во всяком случае, самые радостные для меня слова такие: «Вы написали молодую книгу!». Я бы хотел слышать их как можно чаще.

— И все-таки вы, наверное, владеете каким-то «секретом»...

— Может быть! Чтобы оставаться молодым писателем, необходимо никогда не изменять самому себе, своему делу, которое ты выбрал на всю жизнь, всегда сохранять свою гражданскую жизненную позицию и уметь за нее бороться. Ведь каждая книга — поступок. И чтобы он совершился, писатель, садясь за свой письменный стол, должен помнить, что по другую сторону стола сидит читатель с его пристальным, внимательным, строгим взглядом. И в особенности читатель молодой. Не прощающий малейшей фальши или недомолвок. Неполнота правды деформирует искусство и вызывает недоверие. Вот почему все мы, и пишущие, и читающие, так горячо приветствуем идеи новизны во всех областях нашей жизни, требование говорить правду, которые были провозглашены с высокой трибуны XXVII съезда партии. К литературе это относится в особенности. Конечно, к той литературе, которая является делом жизни писателя, а не заработка или карьеры. Ведь литература — это гражданский подвиг, за который не стоит братья, не решив отдать за него жизнь.

— Не скажете ли вы несколько слов о своем участии в «восстановлении» для читателей имени Михаила Булгакова!

— Ну, моя роль была более чем скромной! Самым мощным «союзником» в восстановлении имени Булгакова был... сам Булгаков. О его прозе и драматургии долго не писали потому, что их долго не читали. Чудо его таланта жило рядом с нами. С его «вторым рождением» свежий воздух как бы ворвался в нашу литературу и заставил

людей, вступающих в жизнь. Такими книгами представляются каверинские «Два капитана», «Открытая книга», «Исполнение желаний», «Перед зеркалом», «Наука расставания»...

— Вот почему, шагая по весеннему Переделкину, я вспоминала слова Каверина: «Молодость идет за мной по пятам, и я не собираюсь просто от нее отказываться».

И когда мы уселись в рабочем кабинете писателя, где в кажущемся беспорядке «жило» множество книг разных авторов, написанных на разных языках народов мира, разговор начался именно с этого, с «секрета молодости».

нас, писателей, внимательно взглянуть на собственное творчество. Очень многое сделала для «второго рождения» писателя его вдова — Елена Сергеевна Булгакова. Что же касается моей скромной роли в этом деле, то должен сказать: лично я никогда не видел Булгакова, но всегда ценил его творчество. И в своей речи на Втором съезде писателей сказал о том, как многим ему обязаны советская драматургия и проза. Это произвело большое впечатление. Но, повторяю, главную роль сыграл сам Булгаков.

— У вас большой архив!

— Да. И он постоянно участвует в моей работе. Например, в моей книге воспоминаний и размышлений «Письменный стол» я впервые опубликовал письма Нины Дорлиак, Иракилии Андроникова, свое письмо академику Д. Лихачеву и другие документы. Часть архива сдал в ЦГАЛИ.

Сейчас работаю над новой книгой, которая называется «Литератор» (дневники и письма). Но есть письма, которые вызывают у меня просто какой-то священный трепет. Уходя на фронт, единственное, что я взял с собой, — это бережно завернутые мной в кальку 11 писем Горького. Потому что этот писатель сыграл решающую роль в моей литературной судьбе. Он высоко оценил мои первые фантастические рассказы. Я много раз бывал у Алексея Максимовича и в Ленинграде, и здесь, в Москве, незадолго до его болезни.

— Какую вашу книгу вы считаете лучшей!

— Роман «Перед зеркалом». Кстати, он тоже основан на подлинных письмах, которые попали ко мне совершенно случайно и стали основой книги. В этом романе я попытался написать жизнь художника, который с трудом догадывается, что он художник, но, догадываясь, делает все, что в его душевных силах, чтобы стать мастером.

— Кстати, этот роман неоднократно был инсценирован и экранизирован. Нравятся ли вам эти сценические версии, в частности спектакль московского театра «Сфера»!

— К сожалению, очень не нравятся. Этот спектакль мне представляется крайне неудачным и

причинил мне, как автору, глубокое огорчение. Ведь роман построен на тонких оттенках в отношениях героев, и я больше всего боялся, что при перенесении романа на сцену исчезнет психологическая глубина и получится ординарное, пошлое произведение. Мои опасения оправдались. Глубоко сожалею, что принимал участие в инсценировке. Мечтаю только о том, чтобы этот мой небольшой роман, который стоил мне четырех лет жизни, скорее сошел со сцены.

— Но было ведь и другое, телевизионное прочтение этого произведения. В нем участвовали артисты Академического театра имени Вл. Маяковского — Светлана Немоляева и Александр Лазарев...

— И тоже, с моей точки зрения, это было далеко от написанного мною. Актеры эти, конечно, талантливы, но они как бы живут совсем не в том духовном мире. Трудно представить себе, что изображаемые ими герсы переплывались четверть века и за это время виделись всего два раза. Тут должно быть и отчаяние от предстоящей разлуки, и унизительность редких, тайных встреч, и надежда. Все это было в романе, но из фильма ушло. Очевидно, из желания «украсить» фильм в него были введены «хорошенькие» иллюстрации, изображающие картины тех мест, где жили герои, — Казань, Париж, Константинополь. На мой взгляд, в таком украшательстве мой роман не нуждался. Получилось претенциозно, бесконечно далеко от моей книги. Очень сожалею, что я, по своей доверчивости, предпослал этому телефильму, по просьбе режиссера, большую вступительную речь, которая оказалась очень далекой от того, что за ней последовало.

— Но ведь были и удачные киноверсии ваших романов!

— Почти все мои крупные произведения были экранизированы (и не однажды) — «Два капитана», «Открытая книга», «Исполнение желаний»... Были среди них и удачные, и менее удачные, и совершенно неудачные. Успех, на мой взгляд, зависит от того, насколько глубоко проник режиссер в замысел автора, насколько он почувствовал себя в атмосфере того времени, той эпохи, в которой живут герои. Иллюстративность, поверхностное изображение событий не приносит удачи. Если режиссер талантлив, то он может стать подлинным соавтором писателя, внести в сценическую версию что-то новое, донести до зрителя философскую глубину произведения.

Но вообще экранизации и инсценировки прозы удаются лишь тогда, когда автор в них активно участвует. Если этого не происходит (как было, например, с моим романом «Исполнение желаний»), то режиссер по-своему, грубо переделывает произведение. Фильм уходит от романа, показывая нелепые ситуации и необоснованные отношения героев. Такая участь постигла не только «Исполнение желаний». Например, в фильме «Открытая книга» режиссер настаивал, чтобы очень важное для сюжета любовное письмо героиня прочитала непременно... в бане, объясняя это тем, что на обнаженную актрису приятно смотреть. Вышла пошлая и неумная сцена, в которой акт-

риса, придерживая зубами простыню, читает любовное письмо. Надо сказать, что зритель отнесся к этому без особого восторга, и картина успеха не имела.

— Но ведь был и другой фильм по этой же книге.

— Он был, на мой взгляд, гораздо лучше. Жаль только, что режиссер поручил главную роль женщины-ученого двум разным актрисам: героиню в молодости очень хорошо играет молодая исполнительница, а ее же в более зрелом возрасте играет в совершенно ином ключе другая. Это основная неудача.

— Вениамин Александрович, одну из своих публицистических статей, вошедших в книгу «Письменный стол», вы назвали «Почему я не стал драматургом!». Правомерен ли такой вопрос! Ведь вы написали восемь пьес, некоторые из них широко шли в театрах страны, публиковались в печати. И, самое главное, ваша проза, по-моему, ярко свидетельствует о том, что в вас «живет» драматург...

— Именно это мне сказал А. Я. Таиров после премьеры в Камерном театре моей комедии «Угрошение мистера Робинзона» в 1933 году. Но сейчас, спустя более чем столетия, я твердо могу заявить — он ошибся. Правда, я очень люблю театр, и мне всегда хотелось писать пьесы, но драматург, очевидно, должен обладать совершенно другим воображением, чем прозаик. Герой пьесы должен как бы концентрировать в себе целый мир, в то время как в прозе этот мир можно изобразить, прибегая к описаниям, отступлениям, сравнениям, размышлениям. Искусству писать пьесы, как я понял, нужно долго, последовательно и упорно учиться, а у меня на это не хватило времени. Но театр я продолжаю любить, моя жена называла меня «заслуженный зритель СССР». Очень сожалею, что сейчас в силу моей занятости не могу бывать в театрах столь часто, как прежде.

— Какой театр ваш самый любимый!

— Камерный музыкальный театр под руководством Б. Покровского. Это первоклассный коллектив! Он ставит вещи давно забытые и привлекает людей к прекрасному.

Наша беседа происходит в предвечерний час: утро, как всегда, В. Каверин проводит за письменным столом, где сейчас аккуратно сложены в пачку листки рукописи новой книги о Юрии Тынянове.

— До сих пор монографических работ о Юрии Тынянове не было. Мне бы хотелось раскрыть в своей книге живой образ этого замечательного писателя и ученого. Моя работа предложена журналу «Звезда». А затем она выйдет в издательстве «Книга». Большую ее часть — историко-биографическую и литературную — пишу я, а теоретическую — Вл. Новиков.

— Вы так часто произносите слово «работа»...

— Потому что для меня понятие «работа» и «жизнь» однозначны. Работа продлевает человеку жизнь. Она занимает душу. Когда у меня случился инфаркт, то мне устраивали письменный стол на кровати, и я продолжал писать «Освещенные окна».

— Сразу ли вы остановили свой выбор на профессии писателя!

— Она сама выбрала меня. У меня был выбор между наукой и литературой. Я кандидат наук, закончил два вуза — Ленинградский университет по этнографо-лингвистическому факультету и Институт живых восточных языков. В молодости изучал арабский язык, был учеником знаменитого И. Крачковского. Но в известной мере я историк литературы.

— Не в этом ли — в исполнении ваших желаний — и заключается секрет вашей творческой молодости!

— Повторю то, с чего мы начали наш разговор: «Молодость идет за мной по пятам»...

Вела беседу
Валентина ЖЕГИС.

ПЕРЕДЕЛКИНО.